

на 1882 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

на 1882 годъ

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

(Существуетъ съ 1859 года).

Вступая въ двадцать четвертый годъ своего существованія, „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ надѣется, что будетъ почтено тѣмъ-же сочувствіемъ общества, которымъ пользовалось въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ. Съ своей стороны редація, не возвышая цѣны, сдѣлаетъ все возможное для улучшенія журнала, какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, и употребитъ все зависящія отъ нея средства, чтобы „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ оставалось неизмѣнно однимъ изъ популярнѣйшихъ журналовъ.

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ выходитъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, въ числѣ 50 номеровъ, съ двумя приложеніями (къ Пасхѣ и Рождеству).

Въ теченіе года оно даетъ болѣе 150 юмористическихъ разсказовъ и очерковъ, до 300 стихотвореній, небольшихъ сценъ, фельетоновъ, анекдотовъ, мелочей и т. п., болѣе 300 карриатуръ, что составляетъ въ общей сложности до 900 страницъ самаго разнообразнаго и занимательнаго содержанія.

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ остается по прежнему самымъ доступнымъ по цѣнѣ изъ русскихъ юмористическихъ журналовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ города 5 руб. На полгода 3 р. Безъ доставки: на годъ—4 р., на полгода 2 р. 50 к.

Подписываться можно въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Покровка, Машковъ пер. д. Миллера) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ С.-Петербургѣ у гг. Анисимова, Мамонтова, Вольфа, Гоппе, Исакова, Мелье.

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Премія, какъ и въ настоящемъ году, будутъ состоять изъ книгъ.

НАСКОЧИЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Левъ Александровичъ Окариновъ считался въ Москвѣ однимъ изъ болѣе талантливыхъ комисіонеровъ, мастеровъ своего дѣла способныхъ обработать самыя трудныя дѣла. Къ нему особенно обращались представители нашей «золотой молодежи», маменькины сынки, привыкшіе швырять деньгами, пускать пыль въ глаза, занимать деньги безъ конца и краю, не думая вовсе, чѣмъ и когда отдать занятое.

Левъ Александровичъ зналъ хорошо Москву, зналъ многихъ вампировъ, людей денежныхъ, которые не прочь пріобрѣсть за полцѣны (а то и дешевле) вексель кутилки-сынка богатыхъ родителей, зналъ и улаживалъ дѣло, получая за все это хорошій комисіонный процентъ съ обѣихъ сторонъ.

И Окариновъ имѣлъ-бы хорошую денюгу, если-бы не слабость—вино, картишки и... жепщаны. Не добромъ пажитое, такъ-же прахомъ и шло.

За то Льву Александровичу можно было смѣло предлагать всякій проэктъ гешефта, лишь-бы дѣло сулило хорошій барышъ. Отказу, заняться имъ, никогда не было, развѣ дѣло было ужъ такъ рискованно, что сухимъ изъ него выйти никакъ нельзя было. Тогда не брался и онъ, потому понасться подъ судъ—вовсе не входило въ программу его общественной дѣятельности и любви жуировать на свободѣ и съ полнымъ комфортомъ.

Среди сотней столичныхъ хлыщей, задающихъ шипу на темныя средства, показывался въ обществѣ пѣкій князь Распривадзе изъ Грузинской аристократіи, смазливая рожица котораго и цеутомимая изобрѣтательность какъ достать денегъ, морочили добрыхъ людей. Князь владѣлъ по документамъ какими-то угодыями въ Кахетіи, гдѣ-то далеко въ трущобѣ и, на счетъ этихъ владѣній, залѣзъ въ кредитъ по горло—все не хватало на широкое мотовство, щегольство и безпутную жизнь.

Кредитъ князя, словомъ, былъ уже подорванъ вовсе, когда онъ обратился къ Окаринову съ просьбою достать ему на вексель 20,000 р.

Одно достоинство, которымъ только и держалось грузинское сіятельство, это было то, что онъ никогда не допускалъ совершенной засухи у себя въ карманѣ и хлопоталъ сломя голову о новомъ займѣ загодя, пока еще въ карманѣ оставалось нѣсколько радужныхъ стъ займа предпоследняго.

Онъ отлично зналъ, что будучи вовсе безъ денегъ, занять невозможно.

Левъ Александровичъ зналъ, что у князя водилась еще въ карманѣ тысяченка рублей, зналъ отлично и то,

что тысячь нахватаю княземъ уже столько, что его владѣній въ Кахетіи не станеть на расчетъ кредиторамъ по гривеннику за рубль. Зналъ онъ все это, но обѣщаль устроить заемъ на вексель.

— Миѣ только на 9 мѣсяцевъ—увѣрялъ Окаринова князь,—а въ теченіи этого времени я продамъ на срубъ лѣсъ и получу 80,000 р., такъ сейчасъ и отдамъ 20,000.

— И прекрасно, князь, управляйтесь, кончайте съ лѣсомъ. А что же миѣ дадите, если я вамъ устрою заемъ на вексель 20,000?

— Пять, шесть процентовъ.

— Мало.

— Ну десять процентовъ.

— И то немного. Будемте, князь, говорить откровенно по душѣ. Вѣдь легко могутъ сложиться обстоятельства такъ, что уплата по векселю затянется, дойдетъ дѣло до суда и лицо, которое я урезоню дать вамъ денегъ, будетъ винить кругомъ меня. Такъ было-бы уже изъ чего терять хорошія отношенія съ капиталистами.

— Чего же вы желали-бы, говорите откровенно?

— Изъ займа 20,000, четвертая часть миѣ, въ счетъ ея получить отъ васъ въ задатокъ сейчасъ 500 руб. Тогда я вамъ даю слово,—что черезъ 4—5 дней я дѣло устрою.

Князь задумался, словно-бы эти условія не совсѣмъ ему по душѣ.

— И есть въ виду у васъ капиталистъ?

— Есть въ виду барыня, Серпуховская помѣщица лѣтъ сорока, у которой лежитъ въ банкѣ 40,000 и она очень не прочь отдать на большій процентъ, если я ей рекомендую благонадежнаго векселедателя. Вы такой красивый мужчина, пріударьте за нею, такъ выручите и свой вексель назадъ, и возьмете еще и другіе 20,000, нообѣщавъ любить ее до гробовой доски. Въ этомъ не опасно дать ей и росписку у нотариуса...

— Вы меня ужасно искушаете, милѣйшій Левъ Александровичъ, все же запросъ вашъ крутъ.

— За-то и вамъ перспектива ашкетитна, князь.

— Нельзя-ли рѣшеніе этого вопроса отложить до моего личнаго знакомства съ капиталисткою. Вдемъ-те къ ней.

— Такъ просто нельзя дѣлать дѣло. Къ ней вамъ ѣхать никакъ нельзя: все дѣло испортимъ. Я должешъ сегодня вечеръ провести у нея; сыграть съ ней нульку, урезонить ее. Завтра, если хотите, я ее приглашу въ 2 часа къ себѣ; пріѣжайте къ этому времени и вы; я васъ здѣсь познакомлю, улажу все и черезъ два, три дня дѣло къ шляпѣ.

— Отлично, хорошо. Завтра въ 2 часа я у васъ буду непремѣнно.

— А задатокъ съ васъ? Безъ него я и на пулюку къ ней не ѣду сегодня.

— Вотъ вамъ сто рублей.

— Мало. Ну да все равно, завтра остальные 400 руб. Князь уѣхалъ.

«Не вретъ-ли?—думалось князю. А бестія страшная этотъ Окариновъ. Живо смѣкнулъ, что это заемъ безъ отдачи. Попросилъ-бы половину, такъ-и то нужно-бы было согласиться, только-бы дали на вексель.»

Левъ Александровичъ, получивъ радужную, весело потиралъ руки, будучи крѣпко убѣжденъ, что завтра получить на вѣрняка еще 400 р., если не болѣе, равно ни чѣмъ не рискуя.

— Ну, Павочка, лети къ сестрѣ, бери на показъ ея билетъ въ 40,000 до завтрашняго вечера. Есть гешефтъ ловкій. Завтра въ половицѣ втораго, приѣзжай ты ко мнѣ въ гости по дѣлу; я тебѣ—чужой, но другъ дома. Ты капиталистка, вполнѣ мнѣ довѣряющая, поняла?

— Ничего не поняла.

— Дурочка. У меня будетъ въ это самое время князь Распривадзе, ищущій 20,000 р. на вексель. Ты изобрази собою капиталистку, согласную ихъ дать, по моей рекомендаціи, а разъ ты согласна, то князь даетъ мнѣ 500 р. задатку. Поняла?

— А потомъ какъ-же?

— Потомъ тебѣ разсѣтовали дать и ты не захотѣла.

— А какъ же ты-то?

— Я отдѣлаюсь, не беспокойся.

— Охъ, Лева, какъ разъ влетишь.

— Не беспокойся, душака, а 500 рублей—пригодятся.

На другой день князь не вытерпѣлъ, приѣхалъ въ часъ въ самомъ шикарномъ видѣ, въ щегольской каретѣ. Капиталистки еще не было. Пока оба артиста вели разговоръ о злобѣ дня, пока Окариновъ разсказалъ князю, какъ ему отлично удалось резопить капиталистку, дать денегъ князю, подѣхала и сама капиталистка.

Князь никогда не видалъ жены Окаринова и принялъ подложную капиталистку за настоящую безъ малѣйшаго сомнѣнія, Левъ Александровичъ засуетился, выбѣжавъ самъ въ переднюю встрѣтить знакомую богатую барыню и въ гостиной представилъ ей князя.

Скоро Окариновъ преловко съ общаго разговора перешелъ на дѣловой относительно займа.

— Вотъ, Марья Петровна, мой старый знакомый князь Распривадзе, о которомъ я съ вами вчера говорилъ. Ему пужно на 9 мѣсяцевъ 20,000 руб. Я его отлично знаю за барина очень акуратнаго и богатаго.

— Если вы за князя, извольте. Только я бы хотѣла отдать капиталъ на цѣлый годъ для ровности счета.

— Извольте, madame, очень радъ и на годъ. Мнѣ

это особой разницы не составитъ,—отвѣчалъ съ достоинствомъ князь.

— Только, князь, я менѣе 12% въ годъ не возьму.

— Къ вашимъ услугамъ, madame. Это процентъ самый обыкновенный.

— Такъ возьмите, Левъ Александровичъ, билетъ мой, размѣняйте и дайте князю 20,000, а остальные мнѣ привезете завтра съ векселемъ князя.

Левъ Александровичъ развернулъ билетъ такъ, чтобы могъ его читать и князь и, прочтя, обратился къ капиталисткѣ:

— Нужно съ нимъ ѣхать въ Орель, и тамъ получить, вѣдь билетъ-то вашъ на Орловскій Банкъ. Учитывать его здѣсь будетъ вамъ начетисто, Марія Петровна.

— Ну такъ вы и съѣздите туда ужъ сами за меня.

— Нужна довѣренность отъ васъ.

— Берите хоть сейчасъ. Я готова все сдѣлать, что вы находите нужнымъ.

— Сегодня уже поздно. Я завтра изготовлю довѣренность для васъ, завтра же получу отъ васъ билетъ и завтра же ѣду въ Орель за полученіемъ денегъ. Такъ, господа?

— Я на все согласна. А вы, князь?

— День, два—разницы не составятъ,—отвѣчалъ князь, будучи убѣжденъ, что дѣло идетъ какъ по маслу.

— Такъ завтра, милѣйшій Левъ Александровичъ, я васъ жду...

— Непремѣнно часовъ въ 12 и совершенно на походѣ въ путь. Я приѣду съ довѣренностью и книгой отъ нотариуса...

— Au revoir, господа. Дѣтишки меня ждутъ. Кажется все уладили?

— Все совершенно, Марія Петровна.

Оба кавалера любезно проводили даму на крыльце, усадили въ коляску и дама уѣхала домой—къ сестрѣ, чтобы сейчасъ и отдать обратно ея билетъ, братый на показъ только.

— Ну-съ, князь, на чемъ-же мы съ вами рѣшимъ? Видите, какъ просто рѣшаются серьезные дѣла. А вѣдь, согласитесь, кредитъ на 20,000 р. на вексель въ наши времена труднаго кредита—дѣло серьезное.

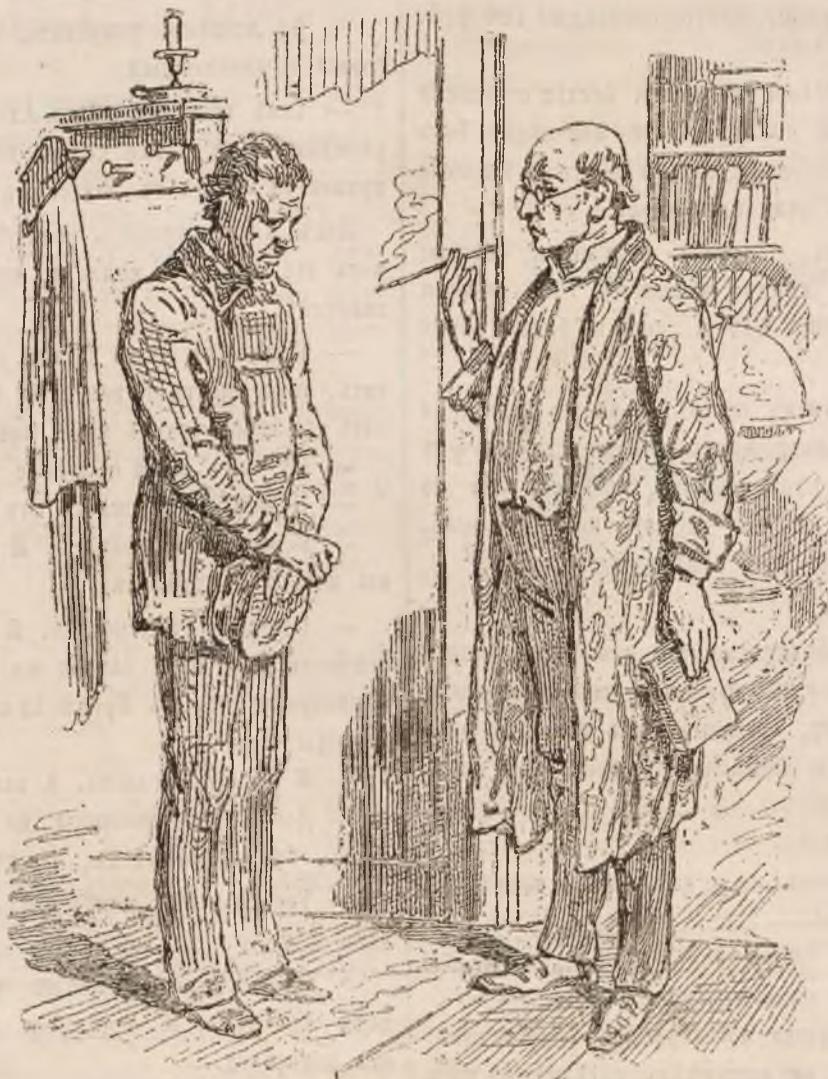
— Удивительный вы мастеръ улаживать дѣло! восхищался князь. Какое довѣріе къ вамъ...

— Какъ видите. Слѣдовало-бы съ васъ взять половину, а не четвертую часть займа. Ну, да ужъ сказалъ разъ—держись. Такъ по рукамъ что-ли?

— Дѣлать нечего, пусть четвертая часть будетъ ваша.

— А впередъ еще 400 р. позвольте получить сейчасъ.

— Много, Левъ Александровичъ, будетъ 200.

— Я слышалъ, вамъ, сударь, человѣкъ пужень?
 — Да! Только человѣкъ, привыкшій къ одиночеству.
 — О, не безпокойтесь. Я три года сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи.

— Ни-ни. 400 и ни полъслова болѣе. Еще давайте 100 р. на поѣзду въ Орель.

— Это почему-же съ меня?

— А съ кого-же? На свой счетъ ѣхать мнѣ—глупо. Съ Маріи Петровны взять—мнѣ неловко, ни за что не соглашусь, значить одно: съ васъ. Изъ за этихъ пустяковъ все дѣло можетъ расклеиться.

— Извольте, я даю еще 400 р. и на поѣзду 100 р., но попрошу у васъ росписочку, что якобы вы ихъ взяли у меня заимообразно. Получу 20,000 р., тогда ихъ всѣ 600 р. вычтемъ изъ вашихъ 5,000 р.

— Сдѣлайте одолженіе.

Князь отсчиталъ съ болью въ сердцѣ 500 р. еще, а Левъ Александровичъ выдалъ ему росписку, что взял у него, князя Распривадзе, заимообразно 600 рублей.

— Такъ вы завтра въ Орель за деньгами? Честное слово?

— Наичестнѣйшее, князь. Мнѣ самому весьма интересно получить скорѣе мои 5,000.

Художники финансовыхъ дѣлъ такъ и разѣхались друзьями. Князь торжествовалъ и уже заранѣе строилъ воздушные замки.

— Не затянулъ-бы дѣла Окариновъ. Пужно завтра поналечь на него и провѣрить, поѣдетъ-ли онъ въ Орель?

(Go—ю).

- Дѣдушка, зачѣмъ ты нюхаешь табакъ?
 — Это отъ глазъ, мой милый.
 — Такъ ты бы его прямо въ глаза себѣ сыпалъ.

На другой день къ почтовому поѣзду князь уже былъ на Курскомъ вокзалѣ, выглядывая въ средѣ пассажировъ Окаринова. Слѣдомъ за нимъ пріѣхалъ и Левъ Александровичъ съ сумкою черезъ плечо и съ легкимъ багажемъ.

- Все уладили?
 — Конечно.
 — Ну и слава Богу. Поскорѣе справляйтесь-же. Давайте раздадимъ флаконъ на дорогу.
 — Идетъ.
 — Чѣ-а-экъ! бутылку шампанскаго, — приказалъ князь.

Почтовый поѣздъ умчалъ Окаринова въ Орелъ, а князь взялъ извозчика домой.

Левъ Александровичъ не поѣхалъ далѣе Серпухова и,

имѣя тамъ знакомыхъ, прожуровалъ отлично цѣлыхъ пять дней.

На пятый день князь получилъ депешу изъ Серпухова: «Сегодня возвратился, деньги готовы, завтра буду въ Москвѣ. Выдайте сейчасъ сто рублей отъ моего имени портному С*».

Князь успѣшилъ исполнить порученіе обязательнаго Льва Александровича.

На другой день пріѣхалъ и самъ Окариновъ.

— Что? Какъ дѣла? Сегодня кончимъ?—заикалъ вопросами Окаринова князь.

— Не горячитесь. Завтра Марія Петровна пріѣдетъ сама кончать.

Князя передернуло.

— До завтраго недалече. Подождемъ.

— Боюсь, какъ-бы не расклеилось дѣло.

— Не дай Богъ. Это и для меня было-бы очень досадно.

Къ вечеру князь получилъ городскую депешу отъ Окаринова, «*нужно видѣть князя по дѣлу*».

Князь прискакалъ сейчасъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Читайте письмо, которое я сейчасъ получилъ отъ Маріи Петровны.

Князь взялъ письмо, руки его дрожали.

Добрѣйшій Левъ Александровичъ!

«Сейчасъ слышала навѣрное, что князь Распривадзе далеко ненадеждный, что онъ долженъ по векселямъ около 200,000 р. и вовсе не пользуется кредитомъ. Удивляюсь, какъ это вы ничего этого не знаете. Боюсь дать ему денегъ. Откажите на отръзъ».

Готовая къ вашимъ услугамъ

Marie P».

Князь былъ убитъ духомъ.

— Значить: никакой надежды?

— Какъ видите.

— А я отдалъ по вашей депешѣ сто рублей С*, вотъ росписка...

— Позвольте ее и дайте приписать эти сто къ той роспискѣ въ 600 р.

Когда Окариновъ приписалъ сто рублей еще въ своей роспискѣ, и получилъ росписку отъ портнаго С*, князь вышелъ изъ оцѣпененія.

— Такъ позвольте получить обратно мои 700 руб.

— Съ удовольствіемъ-бы отдалъ ихъ сейчасъ, да они уже силыли. Я проигрался въ проклятомъ Орлѣ.

— Но, послушайте, это наводитъ меня на сомнѣніе...

— Въ чемъ?

— Вы меня просто дурачили. Я обращаюсь къ прокурору...

— Какъ вамъ угодно, если не хотите потерпѣть.

— Не пожалѣйте потомъ. Я васъ не пощажу...

— Какъ вамъ угодно.

Князь вылетѣлъ изъ квартиры Окаринова какъ угорѣлый и поскакалъ прямо къ прокурору, предъявивъ ему росписку Окаринова.

— Заимообразная росписка, не болѣе того, рѣшилъ прокуроръ. Она подлежитъ гражданскому иску и только.

— Но дѣло было такъ и такъ,—рассказываетъ прокурору князь. Это чистое мошенничество.

— Доказательства есть?

— Какія тутъ могутъ быть доказательства!

— Ну такъ и толковать нечего. Ищите гражданскимъ путемъ.

Не удовлетворяясь этимъ, князь поскакалъ къ оберъ-полиціймейстеру. Тамъ ему сказали—тоже. Мало того,

тамъ ему объяснили, что для князя очень цѣловко направлять дѣло уголовнымъ порядкомъ, такъ какъ изъ дѣла видно будетъ, что и самъ онъ хотѣлъ взять 20,000 «подходцемъ» и влетѣлъ на 700 р. самъ, потому нашла коса на камень.

Князь и повѣсилъ голову.

«Дѣйствительно, ловко обдулъ меня дурака, рѣшилъ князь. Сколько разъ мнѣ удавалось дурачить другихъ. Наскочилъ же на такого распротоканалію. Что съ него возьмешь?—разсуждалъ князь. Вотъ ужъ подлинно наскочила коса на камень».

В. ПЕЛЕСНЕВСКІЙ.

ЧУВСТВИТЕЛЬНѢЙШІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(риэмованная исповѣдь одного изъ многихъ).

I.

Мнѣ не дали науки и искусства,
И только жизнь отецъ мнѣ далъ въ надѣлъ,
Но съ юныхъ лѣтъ развивъ въ себѣ всѣ чувства,
Я тѣмъ отвелъ грозившій мнѣ удѣлъ...
Теперь во всемъ какъ должно обезпечу,
Я безъ заботъ свой коротаю вѣкъ,
Средь младшихъ чтимъ, и старшими замѣченъ...
Пусть въ жизни я не вовсе безупреченъ,
Но какъ же быть? Я тоже человекъ!...

II.

Теперь я старъ. Притупленное зрѣніе
Нуждается въ усиленныхъ очкахъ...
А были дни, когда безъ затрудненія,
Лишь приложивъ стараше, да терпѣнье,
Я подмѣчалъ за многими и въ потьмахъ.
Все вымотришь—и гдѣ и что мнѣ надо;
Присмотришься—какъ съ кѣмъ себя держать:
Полезенъ кто—съ того не сводишь взгляда,
Стараяся и вреднаго то гада
Тѣмъ временемъ съ глазъ то же не спускать.

III.

А *слухъ* мой былъ!.. Не то, чтобъ музыкальный,
А, такъ сказать, практичѣй во сто разъ...
Какъ часто онъ, въ дни юности печальной,
Когда я былъ забитый и опальный,
Служилъ мнѣ тамъ, гдѣ бесполезенъ глазъ.
И у дверей людей ясновельможныхъ,
И межъ своихъ, и просто по пути,
Набравъ запасъ секретовъ всѣхъ возможныхъ,
Я избѣжалъ и случаевъ тревожныхъ,
И могъ разсечь, гдѣ какъ себя вести...

IV.

Я обладалъ и тонкихъ *обоняемъ*,—
 Да вѣдь какимъ? не кухоннымъ, о, нѣтъ...
 Чтобъ слѣдовать своимъ предназначеньямъ,
 Путь жизни я пронюхивалъ съ сознаньемъ,
 Какъ гончій песь, порою звѣря слѣдь.
 Мнѣ и теперь малѣйшій запахъ нуженъ,
 Чтобъ безъ труда опредѣлить я могъ:
 Кто въ дѣйствіяхъ со мною будетъ друженъ,
 Кто предо мной ничтоженъ, безоруженъ
 И отъ кого-бъ себя я поберегъ.

V.

Умѣлъ и *вкусъ* развить я такъ же точно,
 Чтобъ отъ другихъ онъ чувствъ не отставалъ;
 Среди купцовъ прославъ шутомъ нарочно,
 Я черезъ то упитывался сочно
 И тонкихъ винъ достаточно пивалъ....
 А милый полъ! Еще теперь въ балетѣ
 Чуть съ креселъ вонъ не вылетишь подчасъ...
 У нихъ, вляпуюсь, такъ дивны формы эти,
 Что, кажется, все отдалъ-бы на свѣтъ,
 Лишь-бы отнять, скрывающій ихъ, газъ.

VI.

Иль, наконецъ, возьмите *осязанье!*...
 Могу сказать: я былъ большой знатокъ,
 Гдѣ какъ обнять прелестное созданье,
 Ощупать-ли кармановъ содержанье,
 И ощущать, какъ мой росъ кошелекъ.
 Любой изъ васъ скажи мнѣ два-три слова,
 И умъ его я тотчасъ оцѣню,
 Равно и вѣсь тельца его златого,
 И—мастеръ-ли онъ жить на счетъ другаго,
 Иль, какъ пажонокъ, другимъ поидеть въ меню.

VII.

Вотъ ваши вѣдъ искусства и науки:
 Лишь такъ развить съумѣйте чувства—вы
 Есть голова, не отнялись и руки,—
 И въ люди выйдете,—даю вамъ честь въ поруки.
 А въ остальномъ небойтесь молвы...
 Вѣдь вотъ я самъ пробилъ себѣ дорогу,
 И мирно свой теперь кончаю вѣкъ,
 Положимъ есть за что отвѣтъ дать Богу,
 Но... и сказалъ: я тоже человекъ.

Коломандрось.

ВЪ МОЛОДЦОВСКОЙ:

сценки.

Восьмой часъ вечера. На покрытомъ зеленою клееш-
 кою столѣ тускло горитъ небольшая керасиновая лам-

почка, едва освѣщая большую мрачную комнату, застав-
 ленную четырьмя кроватями, двумя комодами, нѣсколь-
 кими старинными и отчасти поломанными стульями и
 большимъ платянымъ шкафомъ. Вверху одного угла пе-
 редъ нѣсколькими висѣщими на стѣнахъ образами, «теп-
 лится» лампадка, бросая красноватый отблескъ на за-
 копченный потолокъ и отражаясь свѣтлыми бликами на
 незатѣйливыхъ окладахъ иконъ. Стѣны надъ кроватями
 украшены сообразно наклонностямъ обитателей. Надъ
 одной изъ кроватей виситъ зеркало и кругомъ него въ
 простенькихъ рамкахъ фотографіи актрисъ и актеровъ;
 на ближайшемъ комодѣ, къ которому примыкаетъ изго-
 ловье кровати, лежитъ гитара, тутъ-же стоитъ малень-
 кое разложенное книжечкой зеркало и лежитъ рваный
 альбомъ для фотографическихъ картъ, большая гармо-
 ника и «Школа для игры на гармоніи безъ посредства
 учителя», видимо бывшая въ частомъ употребленіи. По
 всему можно заключить, что обитатель этого угла ме-
 ломанъ, театралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетъ и щеголь.
 Кровать носитъ слѣды заботливости очистотѣ и опрят-
 ности; надъ комодомъ, ближе къ кровати, виситъ шол-
 ковый подчасникъ въ видѣ башмачка—сомодѣльщина
 какой нибудь признательной дамы сердца. Другая кро-
 вать, покрытая затасканнымъ «прохоровскимъ» одѣяломъ,
 съ двумя подушками въ грязныхъ ситцевыхъ наволоч-
 кахъ содержитъ видимо крайне небрежно. Надъ кро-
 ватю нѣсколько картинъ воинственнаго содержанія. Тутъ
 есть «Неустрасимый герой Скобелевъ», картинка, дѣ-
 лающая честь благонамѣренному направленію фантазіи
 художника, но не дающая возможности заподозрить его
 въ добрыхъ отношеніяхъ съ художественною правдою.
 Такъ бѣлый конь генерала Скобелева надѣленъ хвостомъ та-
 кихъ ужасающихъ размѣровъ, что могъ бы быть безъ всякой
 потери уменьшенъ покрайней мѣрѣ на двѣ трети. Сабля
 генерала, указующаго ею путь на отдаленную турецкую
 крѣпость, прямо таки упирается въ носъ туркѣ, стоя-
 щему на валу крѣпости. Рядомъ съ этой другая картина
 «Взрывъ турецкаго монитора». Взрывъ настолько ужа-
 сный, что, увидавъ эту картицу, П. М. Барановъ, не
 смотря на все свое мужество, содрогнулся бы, а Айва-
 зовскій, нѣтъ сомнѣнія, сложивъ свои кисти, развелъ-
 бы руки въ неописуемомъ изумленіи. Тутъ-же помѣ-
 щается еще нѣсколько картинъ батальнаго содержанія
 и среди нихъ караицкіе наброски, вырѣзанные изъ
 «Нивы» или изъ «Иллюстраціи». Ясно, картины эти
 обличаютъ патріота, а обстановка его кровати невольно
 приводитъ на умъ фразу: смиреніе украшаетъ героя.
 Третья кровать покрыта розовымъ тканевымъ одѣяломъ,
 а висѣщія надъ нею картинки обличаютъ въ ея обла-
 датель человѣка сомнительнаго, любителя букалическаго
 направленія и нѣжныхъ чувствъ. Тутъ можно видѣть

засиженную мухами кривоносою барышню, съ необыкновенно румяными щеками, въ волоса ея вплетена нитка жемчуга, декольтированная грудь охвачена желтымъ корсажемъ, на который небрежно наброшена кружевная косынка, въ рукахъ барыня держитъ розу. Подпись подъ картиной увѣряетъ, что это изображена «Испанка». На другой картинкѣ нарисована бѣлокурая дѣвушка съ выпученными глазами, разинутымъ ртомъ и неприлично открытой грудью. Подъ картиной подписано: «Я люблю тебя». Кого любить сія особа—поясненія нѣтъ. Далѣе слѣдуютъ «Анета», «Турчанка», «Красавица» (на очень не требовательный вкусъ), «Машенька», затѣмъ «Свиданіе», заключающееся въ томъ, что кавалеръ съ дамой такъ усердно стиснули другъ друга въ объятіяхъ, что будь близко городской,—непремѣнно разогналъ бы ихъ ради пресѣченія факта печальнаго задушенія, и наконецъ «Одалиска». Одалиска, толстомяса полубнаженная женщина, лежитъ на коврѣ и кушаетъ фрукты; громадная груда фруктовъ внушаетъ невольное опасеніе относительно здоровья означенной «одалиски»... Надъ четвертой кроватью висятъ портреты архіереевъ и монаховъ и рядомъ съ ними—картинки духовнаго содержанія. На окнѣ, около котораго стоитъ эта кровать, лежитъ нѣсколько духовныхъ книгъ въ хорошихъ переплетахъ, нѣсколько разрозненныхъ томовъ «Душеполезнаго чтенія» и маленькая книжка «Сердце человѣческое то обиталище Бога, то жилище саташы». На одномъ изъ отливовъ окна приклеено «Поученіе противу матернаго слова», славянской печати. На окнѣ-же находятся трубка съ средней длины чубукомъ и рюмка.

Вотъ и вся обстановка молодцовской. Ко всему этому можно прибавить, что на двухъ окнахъ, между которыми стоитъ столъ, помѣщаются нѣсколько горшковъ съ не затѣйливыми растеніями.

За столомъ сидитъ не дурненькій собою молодой человѣкъ и при свѣтѣ лампы, съ большими усиліями, поучается французскому языку по «Самоучителю.»

— Же ву салю, читаетъ молодой человѣкъ, я вамъ кланяюсь. Вишь ты, замѣчаетъ опъ, салю по нашему совсѣмъ не то, а по ихнему—кланяюсь... «Ву зове резонъ»—вы справедливы. Ну резонъ, это и по нашему такъ...

Этотъ «Самоучитель французскаго языка» конечно способенъ сбить съ толку даже самого француза, но молодой человѣкъ доволенъ имъ какъ нельзя болѣе и усердно старается заучивать нѣкоторыя фразы.

Дверь молодцовской скрипнула и въ нее выглянула хорошенькая горничная. Молодой человѣкъ поднялъ голову.

— Ахъ, Аннушка! воскликнулъ опъ.

Дѣвушка вошла въ комнату и стала у двери.

— Вы одни, Семень Николаичъ? спросила она.

— Одинъ.

— А гдѣ-же всѣ ваши?

— Въ баню пошли. Да что-же ты тамъ стоишь, Аннушка, поди сюда.

— Зачѣмъ это?

— Ну поди пожалуйста.

— Да что вамъ нужно?

Аннушка подошла къ самому столу.

— Вотъ ты какая... началъ Семень Николаевичъ, взявъ ее за руку.

— Какая?

— А такая, что я къ тебѣ со всей презентабельной чувствительностью, а ты все безчувственной холодностью...

— Ну да, ужъ какъ же вы только говорите.

— И тебѣ не стыдно?...

— Да конечно, ежели-бы въ васъ распаленность чувствій обозначалось, вы-бы иначе... А то вотъ сколько времени платокъ то вигоневый обѣщались, а гдѣ онъ? Значить слова одни страстные съ вашей стороны, а что касательно чувствительности—то это совсѣмъ пустое дѣло.

— Да нельзя, красота ты моя бланманжетная! Ну какъ я?...

— Долго это сдѣлать! Какъ только остались одни въ лавкѣ—разъ и готово. А то вы все только слова одни подпускаете.

— Такъ ты не вѣришь мнѣ?

— Одно дѣло не вѣрю, въ васъ только и видно, что одно мужицкое коварственное ехидство.

— Какъ-же мнѣ увѣрять тебѣ? Я тебѣ говорю, что ты для меня ипблема любовная.

— Я не знаю, что это такое.. а вотъ ежели-бы люббили, давно-бы платокъ-то подарили.

— Ну хочешь завтра безпримѣнно пришесу.

— Надуете?

— Ей, ей не надую.

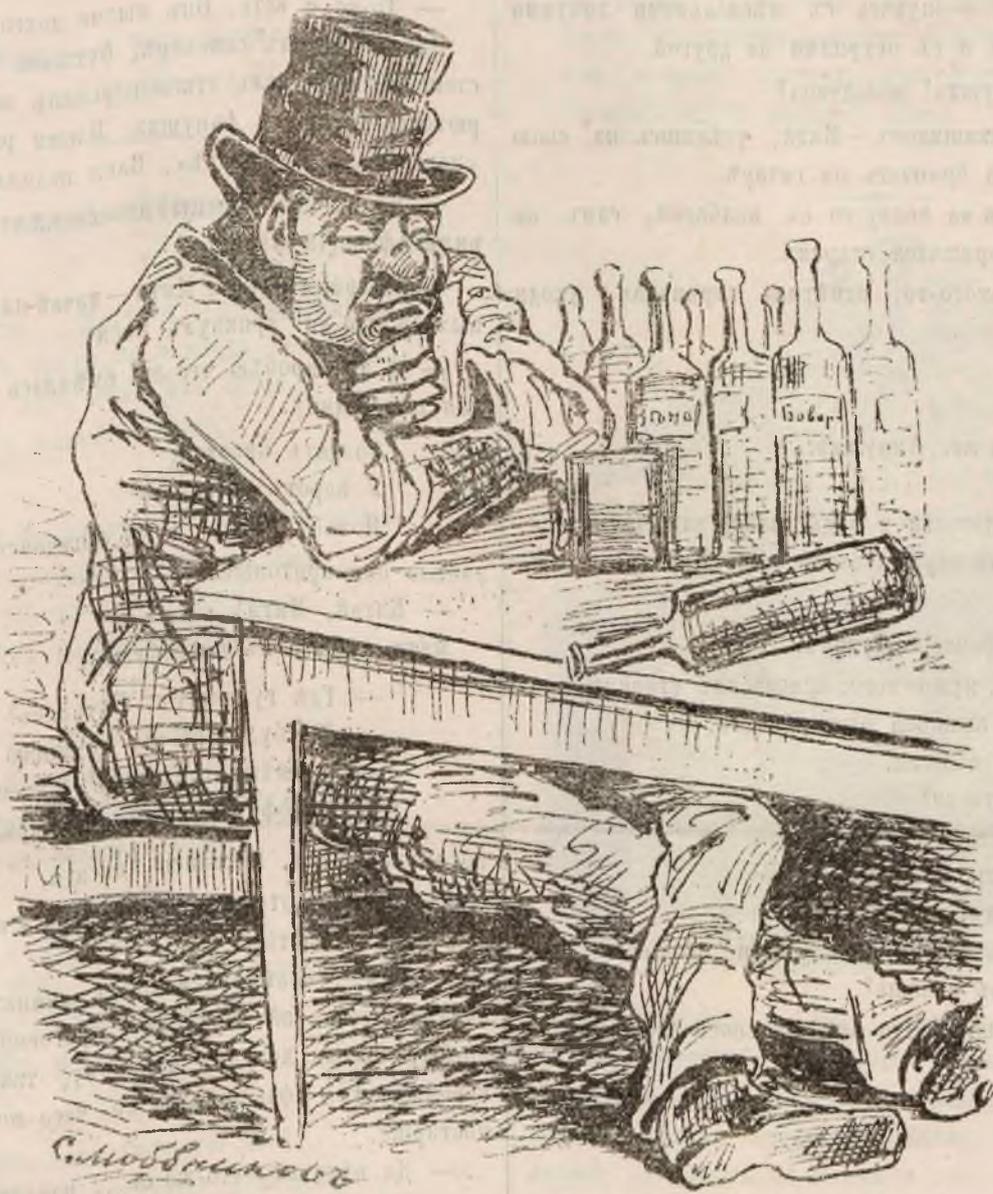
— Увидимъ.

— Ну поцѣлуй-же меня.

— Поцѣлуй... Вишь вы какъ... Какъ только, такъ у васъ сейчасъ насчетъ облимантностей. А вы подарите сначала.

— Сказалъ завтра. Ну поцѣлуй же.

Аннушка, жеманясь, нагнулась, но только что молодой человѣкъ успѣлъ разъ поцѣловать ее, послышался стукъ снимаемыхъ колошъ и голоса и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ въ молодцовскую вошли трое прикащиковъ—двое молодыхъ и одинъ старикъ.

Карлъ Карлычъ, опорожнив дюжину бутылокъ пива, рѣшаетъ вопросъ—современной политики, относительно того, что если-бы русскій постоянно пилъ *bier*, то никогда не панивался-бы какъ свинья.

— Э-э! братъ Сеничка, ты тутъ тово... началъ старикъ, помолившись на иконы.

— Нѣтъ, Афонасій Лукичъ, засмѣялся Семенъ Николаевичъ,—я вѣдь не въ васъ.

— Ладно, ладно. Вася, Митя, обратился старикъ къ другимъ прикащикамъ, гдѣ у васъ багажъ-то?

— Здѣсь.

На столѣ появились бутылка очищенной и колбаса.

— Пашка! Павель! крикнулъ одинъ изъ прикащиковъ.

Въ комнату вбѣжалъ заспанный, всклокоченный лавочный мальчикъ.

— Спишь все, каналья.

— Такъ вздремнулось маленько.

— Бѣги скорѣй въ кухню, принеси чернаго хлѣба.

— Василий Васильичъ, кухарка не дастъ.

— Что врешь, не дастъ! Дастъ.

— Ей-Богу, не дастъ.

— Ему конечно не дастъ, вмѣшалась горничная, еще за уши оттреплетъ, я вамъ сейчасъ принесу.

— Принеси, Аннушка, голубка! я тебя поцѣлую, пошутить старикъ.

— Легко-ли!

Аннушка скоро вернулась съ нѣсколькими ломтями хлѣба на тарелкѣ и съ огурцами на другой.

— Ай да Аннушка! молодчина!

Одинъ изъ прикащиковъ — Митя, усѣвшись на свою кровать, принялся брячить на гитарѣ.

— Вася, уברי-ка водку то съ колбасой, самъ не вошелъ-бы, распоряжался старикъ.

— Да итъ самого-то, отвѣтила горничная, уходя изъ комнаты.

— Уѣхалъ?

— Уѣхалъ.

— Да ты куда же, Аннушка?

— Къ себѣ.

— Э, родная, погости у насъ, чайку чашечку выпей. Нашка сейчасъ самоваръ подасть. Эй, Павелъ! что-жь самоваръ-то?

— Сейчасъ, Афанасій Лукичъ.

— Ну, братцы, нужно того, пригласилъ старикъ, подходя къ столу и вышивая рюмку водки.

Всѣ прикачки выпили.

— Не повторить-ли?

— Что-жь—можно.

— Выйдетъ, еще пошлемъ.

— Самъ узнаеть, онъ-те пошлетъ.

— Самъ теперь часовъ до двухъ не вернется.

— А ты почему знаешь?

— Знаю. Аннушка! Что онъ на своей лошади поѣхалъ?

— Итъ.

— Ну такъ.

— А что?

— Онъ теперь у своей штукѣ сидитъ.

— Развѣ у него есть штука?

— А ты и не зналъ.

— Не зналъ. Скажи, Вася—правда?

— Я вамъ вѣрно говорю, братцы, онъ теперь полячку завелъ.

— Ну?

— Вѣрно. Она у насъ въ лавкѣ нынче была.

— Это такая высокая-то, красивая?

— Ну вотъ.

— Да вѣдь она у насъ часто покупаетъ.

— Покупаетъ она... Ты видалъ ли деньги-то она платитъ? Какъ только она возьметъ что, самъ сейчасъ кричитъ: Василий, заиши, а на другой день ужъ безиримѣнно подойдетъ къ конторкѣ—поставь молъ, что деньги получены, я самъ получилъ. А нынче я иду внизъ, а

«самъ» ее на лѣстницѣ, на площадкѣ и облапилъ, и только слышалъ какъ она сказала: прѣзжай сегодня.

— Такъ вотъ какъ.

— То-то и есть. Онъ нынче долго не прѣдетъ.

Павелъ подаль самоваръ, бутылка была скоро опустошена и Павелъ откомандированъ за повой. Лизнула рюмочку-другую и Аннушка. Языки развязались, Митя «наигрывалъ на гитарѣ», Вася подилясывалъ.

— Да вы-бы, братцы, повеселѣй что-нибудь,—поощрялъ Афанасій Лукичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Митя—качай плясовую, Аннушка, выходи что-ли! крикнулъ Вася.

— А то заробѣю что-ли! смѣялась Аннушка, выступая на середину.

Солдатъ простой,

У воротъ постой—

Я тебѣ мигну, а ты догадайся!...

заиѣла она притопывая.

— Катай, Митя!

Митя «вернулъ» плясовую.

— Гдѣ гуляли-съ, Катенька?

— На бульварѣ-съ, тятенька.

— Съ кѣмъ гуляли-съ, Катенька?

— Съ офицеромъ съ, тятенька.

подиѣвалъ Вася, пускаясь плясать.

Вдругъ дверь отворилась и на порогѣ показался «самъ». Всѣ такъ и застыли...

— Гмъ... «самъ» осмотрѣлъ комнату, это што-же, святки што-ли ай масляница? проговорилъ онъ, это стало-быть ежели хозяинъ изъ дому, такъ у васъ дымъ коромысломъ. Афанасій, ты-то чего-же смотришь? Ты постарше.

— Да вѣдь это что-же-съ... началъ было тотъ.

— Што же-съ... Што здѣся, трактиръ што-ли? Што это за безобразіе! Ты, коза патрикѣвна, што тутъ? обратился «самъ» къ горничной.

Горничная скрылась.

— У меня што-бы не было этого, не то я посвойски расправляюсь, сурово замѣтилъ «самъ», маршь ужинать, да спать ложитесь, нечего тутъ козлами-то скакать. Болваны! проговоривъ это, «самъ» вышелъ изъ молодцовской, хлопнувъ дверью.

Минуты двѣ по ухлѣ «самого» въ молодцовской царил тишина.

— Значитъ съ полячкой что-нибудь не поладили, шепотомъ замѣтилъ Вася.

— Все ты, зажига, набивая трубку, сказалъ Афанасій Лукичъ, съ полячкой тутъ своей смугилъ всѣхъ...

Черезъ полчаса прикачки поужинали и залегли спать

и только одинъ Сена, сидя за столомъ, поучался по само-
учителю:

— Жеву компань—я васъ понимаю.

Шанка Невидимка.

ПЛАЧЪ КОРЧМАРЯ.

I

О, лютой рокъ!... Могучій рокъ! злодѣй!
Я удержать въ груди не всплахъ стопа,
И слезы лью, какъ лиль ихъ Іудей,
Лишаясь стѣнъ родимаго Сіона...

II

Въ собраньяхъ земскихъ, «свѣдущихъ людей»
Предрѣшена въ торговлѣ намъ пренона...
И я грущу, грустиль какъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

III

Не нагрѣвать продажею питей
Мнѣ руки такъ, какъ грѣль во время оно...
А лишь вздыхай, вздыхалъ какъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

IV.

Прошла лафа намъ спаивать людей,
Какъ до сихъ поръ, подѣ сѣнію закона...
Стенай теперь, стеналъ какъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

V

Имѣлъ я власть надъ волостію всей.
Никто не смѣлъ мнѣ не отдать поклона...
Теперь, увы! я самъ какъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

VI.

И рой гулякъ, забывъ нужды семей,
Все несъ ко мнѣ: отъ ржи до балахона,—
Теперь не то,—теперь я Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

VII.

Последній сокъ я изъ своихъ «гостей»
Могъ выжимать, какъ будто изъ лимона
Теперь сжать самъ, какъ сжать былъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

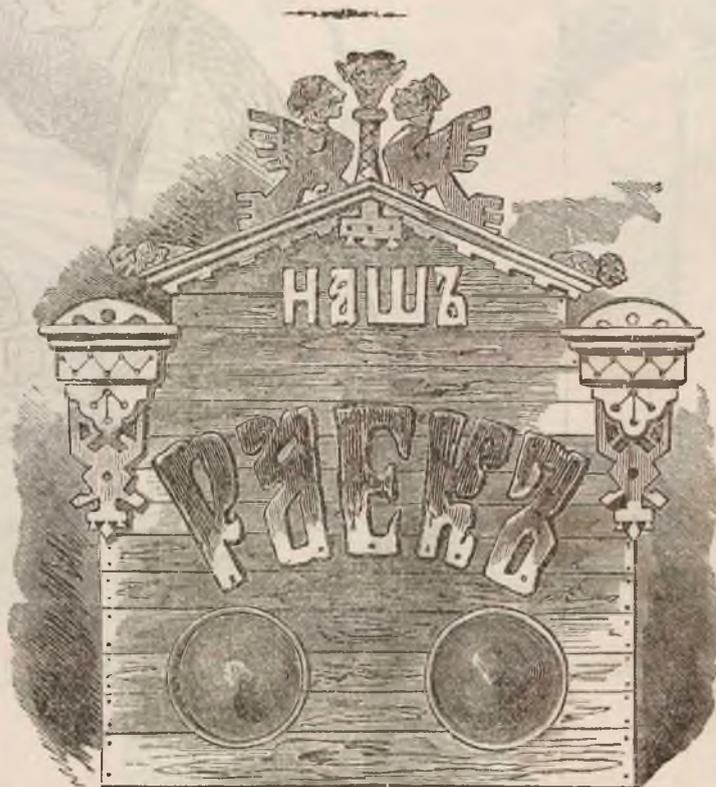
VIII.

Я развращалъ не рѣдко и дѣтей,
Казавъ имъ сласть кабацкаго притона...
Теперь ужъ нѣтъ... Я самъ какъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона...

IX.

По гдѣ-жъ, и въ комъ отъ вредныхъ тѣхъ идей
Намъ, бѣднякамъ, найдется оборона?!...
Ахъ, я дрожу, дрожалъ какъ Іудей,
Лишаясь стѣнъ родимаго Сіона...

А. Б.

Эй, почтенная публика! нѣтъ-ли лишняго рублика,
старому раешнику на калачи? Собирайтесь москвичи,
бѣдняки и богачи, по рублевкѣ клади, на картинки гляди,
слушай побаски, стариковы сказки. А кто парень тол-
ковый, пожалѣтъ цѣлковый и тому не откажемъ,— за
полтину покажемъ, а жалѣтъ полтину, можно взять
половину, безъ торговъ такъ и такъ,—подавай четвер-
такъ. Четвертакъ не дадутъ, пусть по гривнѣ кладутъ,
гривну жаль—съ старичкомъ порѣшимъ пятачкомъ, что
за крупнымъ гоняться, чего робѣтъ, да бояться—по-
чемъ не давай, лишь не пяться, на картинки взгляни,
а меньше пятачка, братъ,—пи-пи.

Уговоръ лучше денегъ.

Былъ я за горами, былъ я за морями, тамъ и тутъ
живалъ, разный хлѣбъ жевалъ, падо всемъ наблюдалъ,
много видовъ видалъ, а ужъ наша Москва изо всехъ—
любо два! Съ головы и до пятокъ свой на ней отпе-
чатокъ, все напрасныя пени—не уступимъ мы Вѣнѣ, да
чего! какъ я вижу—носъ утремъ и Парижу. Толкъ въ
моей сказкѣ ясный, не услышалъ-бы гласный, да не при-
нялъ въ сурьезъ стариковскій курьезъ. Семъ-ко мнѣ
помолчать, похвальбу не кричать,—придетъ хожалый,
прибѣтъ пожалуй.

— Какъ это не могутъ найти чего нибудь общаго, что бы связывало наше общество; вотъ мы каждый вечеръ виѣсть, — вѣдь есть-же что нибудь между нами связующее.

— Есть, есть, еще полграфина... а не хватить, такъ пошлемъ.

Боязно...

Ну, глаза протри, на картину смотри, вишь народъ живетъ, хлѣбъ жуесть, видно по рожѣ, что мука дороже. Какъ спастись отъ невзгодъ, ужъ такой видно годъ, рожь не задалась и цѣна поднялась, много было въ Думѣ толку, а вышло клади зубы на полку... Вотъ теперь хоть давно, дешевѣетъ зерно, да къ тому привело — животы подвело, на зерно дешевизъ, а на хлѣбѣ — ожгись. Пекаря-кулаки изъ дешевой муки дорогой хлѣбъ пекутъ, только слюньки текутъ, хоть себя прославляютъ, а цѣны не сбавляютъ.

Народъ ловкій.

А вотъ видишь-ли Дума, много крика и шума. Штука

ой не проста — гдѣ назначить мѣста, гдѣ-бъ на нынѣшній годъ свалкѣ быть нечистотъ. Чѣмъ рѣшили не вѣмъ, а извѣстно намъ всѣмъ о диковинномъ злѣ, — сколки валять въ Кремль. И не грянетъ гроза, ежедневно воза, на бульварный на скать свалять все и назадъ.

Нашли мѣсто!

Вотъ вамъ видъ таковскій, это газъ московскій, что про то ни ори, а темны фонари, всѣ едва мигаютъ, поздно ихъ зажигають. Вишь-ли ночь, эхъ-ма! непроглядна тьма, москвичи ругаютъ, на фонарные столбы натываются, да должно для красы разбиваютъ посы.

Важное ль дѣло.

Вотъ гляди, это роща Сокольничья, управа надъ ней

— Экое животное этотъ Иванъ, такъ и положилъ вчера меня въ сапогахъ; онъ должно быть никогда не служилъ въ порядочномъ домѣ.

своя, не чиновничья, только для этой, братъ, роци Дума злѣе злой тещи, порядки свои хвалить, деревья такъ и валить. Хоть комиссія и назначена, да Москва вся озадачена—на бумагахъ показали отвагу, а дѣло съ мѣста ни шагу.

Стопъ, значитъ.

Ну, господа почтенные, есть хоть картинки и отмѣнныя, да казать подожду, вотъ на святкахъ приду, ихъ тогда покажу и кой-что разскажу. А теперь деньги обирю, раекъ убираю, отвѣшу поклонъ, да и съ Богомъ вонъ.

Съ нашимъ почтеніемъ.

* * *

Одинъ женатый мой пріятель
Какъ трутень дома все сидѣлъ
И въ маскарадъ—о мой Создатель!—
Съ женою ѣздить не хотѣлъ.
Прошло такъ времени немного,
Супругъ не сбрасываетъ лѣнь,
Жена понятно заскучала...

Какой тюлень, какой тюлень!

Случайно я къ нему заѣхалъ;
Тутъ балы клубскіе князя,
Мой другъ ужасно охалъ, эхалъ
И сталъ просить потомъ меня,
Чтобъ былъ жены я провожатымъ,
Конечно это вѣдь пустякъ,
Но не боится быть рогатымъ...

Какой простякъ, какой простякъ!

Съ его женою я ѣздилъ въ клубы,
Сидѣлъ съ ней часто tete-à-tête,
Намъ tete-à-tête тѣ были любви,
Да въ комъ же къ нимъ влеченья нѣтъ?
Когда дошли до мужа вѣсти,
Онъ обратилъ ихъ въ область вракъ
И довѣрялся нашей чести...

Какой дуракъ, какой дуракъ!

Однажды съ ценою мы воркуемъ,
Усѣвшись рядышкомъ вдвоемъ
И слились жаркимъ поцѣлуемъ,
Забывъ о томъ и о другомъ.
Вдругъ мужъ негаданно явился,

Надутъ, надменешь, грозенъ, рьянъ.
 Ко мнѣ предерзко обратился...
 Какой буянъ, какой буянъ!

Пролепеталъ я въ оправданье,
 Съ супругой просто пошутилъ,
 Но опъ въ пылу негодованья,
 Меня за шиворотъ схватилъ.
 Затѣмъ—ну что-жъ, бываетъ гаже—
 Въ окошко путь мнѣ указалъ,
 А мы сидѣли въ бельэтажѣ...
 Какой скандалъ, какой скандалъ!

Ему я:—это невозможно,
 Коль нужно, я уйду и въ дверь,
 Но опъ, встряхнувъ меня безбожно,
 Рычалъ какъ нѣкій лютый звѣрь.
 И вдругъ—прескверная дорожка—
 Слетѣлъ слуга покорный вашъ
 На мостовую изъ окошка...
 Какой пассажъ, какой пассажъ!
 Докторъ Оксъ.

ПОДОЖДАТЬ БЫ...

(сценка).

Среди деревни, на сложенныхъ близь дороги бревнахъ,
 сидятъ, мирно бесѣдуя, два мужика. На дорогѣ по на-
 правленію къ деревнѣ показалось облако пыли.

— Гли, Петра, ктой то ѣдетъ, всматриваясь въ даль,
 говоритъ одинъ мужикъ.

— И то, паря, ѣдетъ, кто бы это такой?...

— Може урядникъ.

— Ври знай! Урядникъ чай верхомъ ѣздитъ, а это
 видать што въ телегѣ.

— И то. Да, да! въ телегѣ... Можетъ старшина.

— Стой, Ягоръ, поднимаясь съ мѣста, замѣчаетъ
 Петра, знаешь, кто это ѣдетъ?

— Ну?

— Митрій Парфеновъ изъ Подонлекина.

Петра тоже поднялся.

— Митрій Парфеновъ и есть, согласился опъ,—такъ,
 такъ, и со своячиной. Опъ... Это опъ своячину домой
 везетъ, гостила она у яво на праздникъ-то. Она вѣдь,
 своячица-то явойная, изъ Выселокъ, ну яму одна дорога
 черезъ насъ.

Оба мужика всматриваются въ даль по дорогѣ.

— Чаво-жъ се, Митрій Парфеновъ отвозить...

— А кто-жъ ее отвозить то долженъ?

— Статѣй-бы мужу пріѣхать за ей.

— Статѣй-то статѣй, только гдѣ-бы ей мужа-то
 взять, ежели она вдова.

— Ври больше—вдова, никогда она вдовой-то и не
 была.

— Што-жъ она по твоему?

— Што, вѣстимо што—баба.

— Дуракъ чертъ, баба, и вдова баба, и мужня жана
 баба.

— А ты не лайся, я тебѣ вѣрное слово говорю, што
 не вдова она, а мужня жана.

— Болтай Емея, твоя недѣля...

— Не лайся, грю, оголтѣлый жидъ, я тебѣ грю...

— Што? Знаю небось, што вдова, чаво-жъ ты мелешь-
 то, мелево.

— А ты какую праву имѣешь лаяться-то!

— Мотри, Ягоръ, я...

— Не троцай, не страшно, жигулястый шутъ!

— Чаво?... А! ты такъ... На вотъ...

— Ты што-жъ ни съ тово ни съ сево, да въ ухо,
 вотъ тебѣ.

Пачинается потасовка. У Егора течетъ кровь изъ зу-
 бовъ, у Петра здоровенный фонарь на скулѣ, рубахи у
 обоихъ изорваны. Телега съ сѣдоками приближается.

— Эй! што-вы ни свѣтъ ни заря, да за драку, кри-
 чить проѣзжіи мужикъ.

— Нѣтъ, я Митрій Парфенычъ, я яму дьяволу еще
 не такъ накладу...

— Я тѣ постой, братъ...

— Да чаво вы не подѣлили-то, лѣшіе?

— Слышь, грить, твоя своячина вдова...

— Вретъ, быдто мужня жана твоя своячина...

— Да што вы черти очумѣли што-ли?—дѣвка моя
 своячина.

Мужики прекращаютъ драку, проѣзжіи трогаютъ воз-
 жами и удаляются. Мужики нѣсколько мгновений молча
 смотрятъ одинъ на другаго.

— Изъ чаво же ты мнѣ, Ягоръ, въ ухо-то залѣпилъ?

— А ты?...

— Вотъ тѣ вдова, вотъ тѣ мужня жана—дѣвка!...
 Ахъ жидъ тѣ дери...

— Ну, да ладно, пойдемъ выньемъ.

Вшкв.

* * *

Мнѣ сорокъ лѣтъ! Кабая гадость,

Во рту семи зубовъ ужъ нѣтъ...

Увы! души исчезла радость

И нѣтъ блистательныхъ побѣд!

Мнѣ сорокъ лѣтъ! я отолстѣла,

Друзья, кругла, какъ колесо;

А все-бъ кажется я пѣла
Про незабвеннаго Руссо.

Милъ сорокъ лѣтъ! я объѣдаюсь,
Съ кухаркой каждый день брашусь,
Въ студентовъ страстно я влюбляюсь,
За тѣмъ румянюсь и бѣлюсь!

Милъ сорокъ лѣтъ! Какъ выражаютъ
То люди, — бабій вѣкъ прошель...
Увы! Ужель того не знаютъ,
Что тутъ-то бѣсикъ и пришелъ...

Тети Наташа.

НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ, НАЙДЕННЫХЪ СЛУЧАЙНО НА УЛИЦѢ.

I.

Письмо бібліотекаря къ своей невѣстѣ.

Разсвѣтъ души моей! Не смотря на то, что теперь *Новое Время* и *Современность*, доставляя ежедневно *Новости*, расширила *Кругозоръ Руси*, не смотря на то, что иной *Шутъ*, ставя самъ себя *Вѣстникомъ Европы*, увѣряетъ, что *Фалата* новыхъ мифній убила *Огонекъ* всего стараго, я увѣренъ, что ты осталась такою же, какою была и прежде. Пишу твердо увѣренный, что ты не вѣришь *Мірскому Толку*, называющему меня человекомъ не любящимъ *Порядокъ*. Какъ посторонній *Зритель* смотрю я на эту дурную *Иллюстрацію* моего реноме. Я знаю хорошо свое *Дѣло*, сознаю, что я добрый *Гражданинъ*, честно тружусь на поприщѣ *Россійской Библіографіи* и сознаніе этого доставляетъ мнѣ *Развлеченіе*. Мнѣ милѣй всего *Свѣтъ*, и *Тыни*, набрасываемыя на мое имя, ни мало меня не смущаютъ. Я увѣренъ, что мой *Голосъ* быстрее всякаго *Русскаго Курьера* дойдетъ до тебя, станетъ *Будильникомъ* твоей привязанности ко мнѣ и ты отбросишь какъ ненужные *Осколки* всѣ распускаемые обо мнѣ слухи и применишь ихъ какъ ни на чемъ не основанное *Эхо газетъ*. Пусть какъ *Улей* кишатъ враги мои, пусть вная *Стрекоза* распускаетъ обо мнѣ дурную *Молю*, вѣрь, что *Нива* страсти моей къ тебѣ процвѣтаетъ по прежнему, вѣрь, что какъ полна водою *Нева*, такъ полна любовію къ тебѣ душа моя.

Твой Томъ Перенлетовъ.

II.

Письмо отца математика къ сыну.

1 любезный сынъ мой! Я весьма ра 2 шему учителю выказать благодарность. Смо 3, мой другъ, съ любовію на науку, съ нею жить лег 4 шись это самъ впослед-

ствіи. Придетъ вакація, о 5 увидимся. Учись, мой другъ, 6 віе по жизненному пути ученому человеку свободнѣе даже холостому, а тѣмъ болѣе 7 яшину, мѣсто ученому всегда гото 8 я его спокойна. 9 десятыхъ образованныхъ людей имѣла успѣхъ въ жизни, это такъ же вѣрно, какъ дважды пять — 10.

Отецъ твой.

Дими 3й 100 яповъ.

Городъ 40и, Бессар. обл. 1ѣзжая улица, 5ица 20 ноября.

III.

Письмо граматика къ пріятелю.

Любезный другъ! Въ молчаніи моемъ я могъ бы видѣть *удивительный знакъ* того, что ты поставилъ *точку* нашимъ отношеніямъ. Я знаю, кто своею сплетнею хотѣлъ устроить *ковычки* въ нашемъ взаимномъ расположеніи, но не желая *переноса*, такъ какъ это дурная *черта*, я умолчу объ имени. Я увѣренъ, что мы съ тобою какъ *двоеточіе* близки другъ къ другу и никакая *точка съ запятою* не нарушитъ нашего согласія. Встрѣтивъ прежде *запятую* въ своихъ дѣлахъ и, понавъ въ *скобки* пужды, прошу тебя сосудить меня на время сотнею рублей. Ставя тебѣ этотъ *вопросительный знакъ*, я увѣренъ, что мнѣ не придется ограничиться *многоточіемъ*, обозначающимъ прерванную мысль.

Твой другъ

Пренпашевъ.

IV.

Отвѣтъ на предъидущее письмо.

Милый другъ! Хотя я получилъ за женою большое *прилагательное* и въ настоящее время имѣю солидное *мнѣстоимніе*, хотя *союзъ* нашъ съ тобою по прежнему остается ненарушимымъ, я тѣмъ не менѣе имѣю уважительный *предлогъ* отказать тебѣ. *Существительное* твоей просьбы — деньги, а до тебя вѣроятно уже дошелъ *глаголъ* о томъ, что въ нашей губерніи былъ *надежъ* скота, кромѣ того я получилъ нѣкоторое *междометіе* при продажѣ хлѣба и жида скупщики, давая низкую цѣну, какъ бы не понимая нашего *наречія*, не шли ни на какое *склоненіе*. Вотъ, другъ любезный, все *сказуемое* моихъ обстоятельствъ, *подлежащее* твоему разсужденію. Сдѣлавъ *спряженіе* всѣхъ этихъ условій и учинивъ *разборъ* своимъ деньгамъ, я пахожусь вынужденнымъ отказать тебѣ.

Твой другъ

Деепричастіевъ.

У.

Прошеніе мировому судѣ математика.

Г. Судья! Бывшій со мною до сихъ поръ въ пріятельскихъ отношеніяхъ губернской секретарь Химиковъ, на дняхъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе идти съ нимъ въ трактиръ. Оба мы, имѣя *остатокъ* отъ *суммы* нашего жалованья, сдѣлали *сложеніе* своихъ капиталовъ, произведя имъ честное и неукоснительное *уравненіе*. Придя въ трактиръ, мы изъ первой бутылки водки сдѣлали *вычитаніе* безъ остатка и приказали сдѣлать *умноженіе* второю бутылкой. Затѣмъ *множимое* нѣсколько разъ *произведеніе* вдовы Попова сдѣлало въ характерѣ г. Химикова совершенное *превращеніе* такъ, что когда я хотѣлъ произвести *дѣленіе* поданной намъ котлеты, то г. Химиковъ, взявъ на себя роль *дѣлителя*, объявилъ мнѣ, что котлета есть дѣло *частное* и принадлежитъ одному ему. Когда-же я замѣтилъ, что котлета есть *дѣлимое* и половина ея принадлежитъ мнѣ, то онъ, забывъ *правило товарищества*, бросилъ мнѣ въ лицо всѣ *слагаемыя* въ полоскательную чашку очистки и оскорбивъ меня *неименованное число* разъ словесно, ударомъ кулака прозвель *дробь* въ моихъ челюстяхъ, даже съ *извлеченіемъ корня*, а затѣмъ за волосы привелъ меня къ *одному знаменателю* съ поломъ и учинилъ *сокращеніе* форменнаго фрака моего на цѣлую фоналду. На основаніи всего этого прошу подвергнуть г. Химикова законной отвѣтственности.

Губернскій секретарь Числителейъ.

Сображь и въ порядокъ привелъ.

И. В.

МЕЛОЧИ.

ЭПИТАФІЯ.

Одному изъ многихъ.

Возари на камень сей, прохожій:

Подъ нимъ смиренно погребенъ

Усеншій (имя рекъ) рабъ божій.

Тяжка утрата въ немъ: вѣдь онъ

Хоть холостъ былъ, но не бездѣтный

И, оставляя міръ суетный,

Онъ въ этомъ мірѣ до двухсотъ

Оставилъ плачущихъ сиротъ.

Коломаандрось.

ФАКТИКИ И АНЕКДОТИКИ.

Въ вокзалѣ желѣзной дороги.

— Какъ вамъ не стыдно, господа.

Жельзнодорожникъ. Что такое?

— Да какъ-же, опять у васъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ.

Жельзнодорожникъ. Что подѣлаешь-то! Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, благодаря шпаламъ; ужь извѣстно, гдѣ шпалы, тамъ и несчастіе, вотъ въ Москвѣ триста тысячъ со шпалъ соскочили...

Въ вагонѣ.

Кондукторъ (*обращаясь къ пассажиру, лежащему на диванѣ*). Господишъ, потрудитесь сѣсть; такъ нельзя, — вы занимаете два мѣста.

Пассажиръ. Оставьте меня въ покоѣ! Вашъ директоръ занимаетъ пять мѣстъ въ правленіяхъ различныхъ дорогъ, этого тоже нельзя, однако это практикуется...

Одинъ русскій женился на иностранкѣ; черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы встрѣчается ему знакомый.

— Вы знаете—я женился? говоритъ новобрачный.

— Какъ-же, слышалъ, слышалъ, поздравляю васъ.

— На иностранкѣ.

— Знаю и это. Вѣдь ваша супруга камелія...

— Какъ камелія?!...

— А какъ-же ее звать?

— Роза...

— Ахъ, виновать, то-то я помню, мнѣ говорили, что имя вашей супругѣ напоминаетъ цвѣтокъ...

Кетти Кингъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Штв. Слишкомъ великъ гонораръ,—принять не можемъ.

Автору „Трехъ встрѣчъ“—не будетъ напечатано, а также и подписи.

Одесса. С. Р б-ичъ. Присланными стихотвореніями не можемъ воспользоваться, но присылайте.

Н. Неволину. Правдивыя исторіи и стихотворенія не будутъ помѣщены.

Въ Пространство. Н. В. Н. Помѣстить не можемъ,—присылайте

СОДЕРЖАНІЕ.

Паскочила коса на камень. В. Пелешевского.—Чувствительный человекъ. Стих. Коломаандроса.—Въ молодцовской. Шалки Невидимки.—Плачь корчмаря. Стих. А. Б.—Раекъ.—***. Стих. Доктора Окса.—Подождать-бы. И. Вашкова.—***. Стих. Тети Натши.—Нѣсколько документовъ, найденныхъ случайно на улицѣ И. В.—Мелочи.—Рисунки.—Объявленія.

За редактора В. В. Миллеръ.

При этомъ номерѣ прилагается для и. иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ Объявленіе о подпискѣ на «Всемирную иллюстрацію», «Модный Сетья» и «Огонекъ».

Е Ж Е Д Н Е В Н А Я Г А З Е Т А.

Открыта подписка на политическо-литературную, без предварительной цензуры газету, выходящую въ количествѣ 360 номеровъ въ годъ

МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВТОРОЙ)

Программа газеты слѣдующая:

1) Мѣсяцесловъ. 2) Телеграммы. 3) Придворныя новости. 4) Дѣйствія правительства. 5) Назначенія и награды. 6) Ежедневныя бесѣды въ видѣ передовыхъ статей. 7) Дневникъ происшествій. Новости, слухи, отчеты о засѣданіяхъ думскихъ и различныхъ ученыхъ обществъ; сообщенія въ предѣлахъ первопрестольной столицы и городскія телеграммы. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзорѣній. 9) Самостоятельныя сообщенія изъ другихъ городовъ имперіи, выборки изъ другихъ газетъ. 10) Иностранный отдѣлъ. 11) Корреспонденціи. 12) Курьезы, анекдоты, афоризмы, промахи нашей прессы, остроты, шутки, загадки и шарлады. 13) Биржевой отдѣлъ, на который редакціей будетъ обращено усиленное вниманіе относительно цѣнъ на всѣ товары и кромѣ того на цѣны серебра и золота въ слиткахъ и издѣліяхъ. 14) Справочный отдѣлъ: адреса, время отхода поѣздовъ, назначенныя театральныя и другіе спектакли и время засѣданій ученыхъ обществъ. 15) Фельетоны: общественный, литературный, музыкальный и театальный. 16) Литературный отдѣлъ: стихи, очерки, сцены, рассказы, повѣсти и романы, оригинальные и персводные. 17. Спортъ: скачки, бѣга, охота и т. п. 18) Рекламы и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.											
Съ доставкою въ Москвѣ	1 —	1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40	9 —
Съ пересылкою въ гор.	1 —	2 —	3 —	3 90	4 80	5 70	6 50	7 30	8 —	8 70	9 40	10 —

Подписка на „МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ принимается въ Москвѣ: въ конторѣ Редакціи, на Софійской набережной, у Каменнаго моста, въ домѣ Котельниковой; въ книжныхъ магазинахъ: на Никольской улицѣ у Д. И. Прѣнова и „Новаго Времени“, на Страстномъ бульварѣ у г. Васильева, на Калужскомъ рынкѣ въ магазинѣ А. В. Выгодчикова и въ его же магазинѣ на Арбатской улицѣ; на Петровкѣ, у Большаго театра, въ магазинѣ О. О. Андронова; въ гастрономическомъ магазинѣ г. Генералова на Лубянкѣ, а также въ Пассажѣ, при газетной торговлѣ Кузьмина, въ Конторѣ объявленій М. А. Крапоткиной, (Москва, Софійка, церковный домъ); въ конторѣ объявленій В. Сепи, на Софійкѣ, домъ Прибылова, рядомъ съ магазиномъ Поша; у Ш. Н. Шапошникова, въ Охотномъ ряду и у И. И. Девяткина, на Большой Дмитровкѣ противъ Дворянскаго Собранія. Въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ г. Исакова и „Новаго Времени“.

16-й ГОДЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

16-й ГОДЪ

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ

«НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ» въ 1882 г. выходитъ и разсылается по прежнему четыре раза въ мѣсяць, т. е. въ количествѣ 48 номеровъ, 24 модныхъ и 24 литературныхъ, каждый отъ 1 1/2—2-хъ листовъ самаго большаго формата (in-folio) въ трехъ изданіяхъ, различающихся единственно по числу парижскихъ модн. раскрашенныхъ картинокъ. Каждый подписчикъ 1-го изданія получаетъ ежемѣсячно одну раскрашенную картинку, 1 числа; 2-го изд.—двѣ въ мѣсяць, 1 и 15 числа; и 3-го изд.—четыре, т. е. одну съ каждымъ №.

Ни одно изданіе въ цѣломъ свѣтѣ, не дастъ такого громаднаго выбора рукодѣлій и дамскихъ работъ, какъ «НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ», не имѣя соперниковъ также и въ отношеніи полноты и разнообразія новѣйшихъ модъ, чему много способствуетъ то, что редакція моднаго отдѣла „НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА“ имѣетъ свои отдѣленія въ Парижѣ и Берлинѣ.

24 модныхъ номера въ годъ: болѣе 3,000 рисунковъ Парижскихъ модъ, дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ, дамскихъ костюмовъ и проч. и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, до 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ; изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки; 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ номера въ годъ съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ-бы отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

Гг. подписчики получаютъ также бесплатно разныя приложенія, между прочимъ 12 листовъ раскрашенныхъ узоровъ для вышиванія въ русскомъ вкусѣ.

БЕЗПЛАТНО: Годовые подписчики на 1882 годъ, внесшіе полную плату, получаютъ въ теченіи 1-го полугодія особеннаго достоинства ПРЕМИЮ. Это—художественно-исполненная ОЛЕОГРАФІЯ (до 60 сан. дл. и до 40 сан. вышины), специально для нашего журнала заказанная извѣстному художнику и представляющая

Е. И. В. ГОСУДАРЬНЮ ИМПЕРАТРИЦУ,

ѣдущую по Певскому, въ легкихъ саняхъ, на парѣ вороныхъ лошадей. На запяткахъ саней—лейбъ-казакъ. Вблизи видѣется Аничкинъ дворецъ съ садомъ. Все находящееся на картинѣ схвачено необыкновенно живо и отличается поразительнымъ сходствомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

	безъ дост.	съ дост.	съ перес.
1-му изд. съ 12 раскрашен. париж. мод. кар. 6 руб.	7 руб.	8 руб.	
II-му " " " 24 " " " " 7 "	8 "	9 "	
III-му " " " 48 " " " " 9 "	10 "	11 "	

На полгода: половина этихъ цѣнъ съ добавкой 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной конторѣ „НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА“, въ С.-Петербургѣ, Певскій пр. № 5, у издателя Придворнаго Книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмицдорфъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНИЕ ГАЗЕТЫ
НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ ВЪ 1882 ГОДУ.
 (ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ» выходитъ ежедневно, исключая послѣ-праздничныхъ дней, въ размѣрѣ большого листа и полулиста газетной бумаги, смотря по матеріаламъ, въ слѣдующей программѣ: Мѣсяцесловъ-календарь. Телеграммы Международнаго Телеграфнаго агентства: торговли, курсовыя внутреннихъ и заграничныхъ рынковъ, политическія и частныхъ лицъ. Дневникъ: повѣсти и рассказы изъ народнаго быта съ отрывками историческихъ и современныхъ романовъ. Биржевыя свѣдѣнія Нижняго Новгорода. Биржевыя свѣдѣнія Рыбинска. Корреспонденціи торговли и земскихъ дѣлителей. Судебный отдѣлъ. Дневникъ прошествій въ городѣ и позаимствованныхъ изъ газетъ. Статистическія свѣдѣнія Макарьевской Нижегородской ярмарки, съ возжескихъ, камскихъ, цинскихъ и прочихъ приставей по заготовкѣ хлѣба. Театральный обзоръ съ дневниковъ фельетонистовъ. Иностранныя повѣстия. Казенныя и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкою	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Съ пересылкою во всея города	7 р. — к.	4 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ редакціи газеты, на Нижнемъ базарѣ, въ домѣ книгини Абамелекъ Лазаревой; въ Москвѣ, въ конторѣ страховаго общества «Волга» у г. Андруцкаго, въ Новомъ Рыбномъ ряду близъ биржи; въ Рыбинскѣ, въ магазинѣ А. Ф. Кондратьева.

Издатель-Редакторъ **С. И. Жуковъ.**

Редакторъ **И. А. Жуковъ.**

Удостоенныя преміи—въ Дюссельдорфѣ 1880 г., на всемирной выставкѣ въ Мельбурнѣ I и III-ю премію, въ Крѣйцнахъ—серебряную медаль, во Франкфуртѣ на М. на выставкѣ патентовъ—серебряную медаль; серебряную медаль въ Кольбергѣ.

СКРИПКИ

Спеціальность, въ мастер. формахъ по отличной системѣ. **Наилучшее и самое дешевое** поваго времени. Отъ 6 до 30 марокъ; выигран. знам. артистами 30—200 мар. **Смычки** 1½—30 мар. **Футляры** 3½—40 марокъ; **Альты** 8—100 мар., **Виолончелли** 18—300 мар., **Басы** 40—300 мар. **Мастерская для поправки** всехъ старыхъ инструментовъ. **Прелестныя Гитары со струнами** 6—50 мар. **Цитры** съ отлич. тономъ отъ 16—22—28 до 200 марокъ. Школы самоученія на цитрѣ 5 марокъ. Патентованныя **иѣмья скрипки** для ученія (собственное изобрѣтеніе). Складъ жестяныхъ и деревянныхъ духовыхъ инструментовъ. Гарантія за хорошее качество. Продавцамъ уступка. Реком. **Wilhelmy, Sarasate, Sauret, Singer, Jean Becker, Sivory, Léopard** и др. Прейсъ-куранты франко. **Gebrüder Wolff** (фабрика музыкальных инструментовъ). Спеціальность—инструм. со струнами in **Creuznach (Deutsche.) Крѣйцнахъ (Германія).**

ТУРТОМЪ

ЭКСПОРТЪ

г. 20-й ОТКРЫТА ПОДПИСКА г. 20-й
 П А

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

на слѣдующій 1882-й годъ

(ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМЪ ПОСЛѣ-ПРАЗДНИЧ. ДНЕЙ.)

Съ доставк. въ Саратовѣ:	Съ пересылкой по почтѣ:
на годъ 6 р. — к.	на годъ 7 р. — к.
— 10 мѣсяцевъ 5 р. — к.	— 10 мѣсяцевъ 6 р. — к.
— полгода 3 р. 50 к.	— полгода 4 р. — к.
— три мѣсяца 2 р. — к.	— три мѣсяца 2 р. 50 к.
— мѣсяць » р. 75 к.	— мѣсяць 1 р. — к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Саратовѣ, Нѣмецкая ул., д. Раутенфельда.

Газета будетъ выходить по той-же программѣ и въ томъ-же видѣ, какъ и въ настоящемъ году, причемъ редакція считаетъ нужнымъ заявить, что ею обращено будетъ особое, серьезное вниманіе на развитіе и расширеніе по преимуществу *мѣстнаго отдѣла* и между прочимъ на усиленіе отдѣла корреспонденцій и торговыхъ свѣдѣній.

Редакторъ **И. Лебедевъ.**

Издатель **М. Поповъ.**

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

парюшери. и косметич. товаровъ своей фабрики и заграничныхъ извѣстнѣйшихъ фирмъ.

Петровка, д. Петровскихъ линій.

Ильинка, д. Тропцкаго подворья.

Ильинка, рядомъ съ Кулеи. банкомъ.

АНТИКВАРІЙ РОДИОНОВЪ

Покровка, противъ 4-й гимназій, сов. домъ.

продажа, покупка, промѣнъ и комиссія всевозможныхъ вещей, картинъ и рѣдкостей, относящихся къ изяществу, искусству и роскоши.

Магазинъ существуетъ съ 1842 года.

ТИПОГРАФІЯ БЫВШ. МИЛЛЕРА

Покровка, Машковъ пер., д. Миллера,

принимаетъ заказы по печатанію книгъ, бланковъ, таблицъ и т. п.

Цѣны умѣренныя; исполненіе скорое.